

имеет быть названа и призвана Христом, в этой ли еще жизни, или в воскресении, когда будет и к ней обращен глас повелевающий: «Лазарь, иди вон!»

Имя это есть прежнее и новое, сего века и грядущего. Прежнее — ведомо, но «нового никто не знает, кроме как кто получает» (Откр 2: 17). Им печатлеется любовь Христа к Своему созданию, но в нем же откроется и ответная его любовь к Создателю. В нем совершается та личная *встреча* со Христом, при которой источает миро любви своей душа мироносица. Сказание евангельское сладким трепетом исполняет душу, и не только как драгоценное воспоминание о событии в жизни всего человечества в лице жены «много возлюбившей». Оно относится к каждому из нас, а не к одному только светоносному образу любви и верности, который явлен миру в этой женской душе. Человеческая душа в любви ко Христу есть женственно раскрывающаяся, как невеста, встречающая Небесного Жениха. Она ищет Его в этом мире у его вертоградарей: «Если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его» (Ин 20: 15), доколе не услышим призывно ответного: «Мария!»

Ведóмая Духом Святым, она есть та, о которой сказано возлюбленным, ибо возлюбившим, учеником-тайновидцем: «И Дух, и невеста говорят: Приди! Ей, гряди, Господи Иисусе!» Аминь.

1941 г.

6.3.5. О подвиге радости (в преддверии св. Пасхи)

...«и се Иисус встретил их и сказал; радуйтесь!»

(Мф 28: 9)

Во тьме предрассветной, среди глубокой скорби, при землетрясении великом прозвучала весть о воскресении: «Радуйтесь!» Ее возвестил тогда сам Господь воскресший, и Он ее ныне возвещает. Что нужно нам, которые разучились радоваться, чтобы победно раздалось в нашем сердце это слово, а не осталось для него мертво и хладно, как бы само себе не доверяя и само себя стесняясь? Призванные встречать Воскресшего, как скажем свое «Воистину воскресе!»?

Мы вступали во дни Великого Поста не без растерянности духовной и не без трудности. Ныне они уже истекают, совер-

шившись разными по-разному. Каждому по-своему было дано коснуться сердцем и душеполезно провести Св. четырехдесятницу. От нее уносим мы тихие светлы, от которых предстоит нам возжечь свещу Воскресения Христова. Много ли или мало могли мы потрудиться духовно, всех зовет Христос на пир, да «приемлет ныне динарий»: делавшие и от первого, и от третьего, и от шестого, и от девятого, и от одиннадцатого часа¹. Ибо Он «приемлет последнего как и первого», да внидут все в радость Господа своего. «Никто да рыдает убожества... никто да плачет согрешений». Сам Господь нисходит радостно светоносно в открывающееся Ему сердце. И да откроется оно!

Но ко гробу Господню и в самую ночь воскресную привален был камень, приложена печать, приставлена стража. Мы чувствуем и теперь тяжесть, придавившую сердце и запечатавшую гробницу с Телом тридневного Мертвеца. Она налегла на нас от непосильного, кажется нам, бремени жизни, от лютости стражи воинской, от непреодолимой печали на сердце. По-своему все изнемогают: одни от ожидания бед грядущих, другие от уже пришедших; одни от немощей и обстоятельств, другие от горестей и лишений. В душе каждого есть то, что мертвит и омрачает ее в канун Христова Воскресения.

Невольнo вспоминается светлoсть и легкoсть дней миновавших, когда победно входила в мир радость пасхальная в светлых своих одеяниях, в ликовании и щедрости благодатной. Казалось тогда, что мы достойно приемлем нам принадлежащее, и сами светлые и радостные, воскресные и воскресающие. Нам оставалось лишь праздновать дар тот, чем пышнее, тем соответственней. Ныне же далекой и чуждой, холодной и ненужной кажется нам эта пышность. Душе стало мало ее, и бессильно одно только внешнее, она ищет иного и большего, — силы и света воскресения, радостей его свободы, покаяния смерти со Христом и во Христе. Мы зовем и ждем Его: пусть сам Он приблизится, скажет нам свое РАДУЙТЕСЬ! так, чтобы от него затрепетало сердце наше.

Что же нужно для силы пасхальной радости, от победы над смертью? Что ею в нас да побеждается? Что надо совершить нам самим в себе и над собою, чтобы приять эту радость, подаваемую Христом, на этот зов отозваться? Ответно явить надо *подвиг* радости, поднявшись до нее на крыльях свободы, самим освободиться хоть на краткое мгновение. Тогда блеснет нам и сама радость, захлестнет нас волна ее, озарит ее свет. Мы — рабы ныне. Нас поработают страх и скорби, растерянность и хладность, обыденность и сухость, безрадостная повседневность. Мы — рабы князя мира сего, в какие бы обличия он ни облакался, рабы мира,

и лишь пытаемся от того закрыться бездейственными одеждами пышности. Но на пути к радости надо разорвать цепи рабства, и свобода ее обретается в Боге. В Нем можно забытья от мира со скорбию его, от самого его существования, услышав зов Христов: «Не бойтесь, это — Я!» И нужно оглохнуть и ослепнуть для мира, чтобы хотя на краткое мгновение освободиться от него, став как бы вне его, погрузиться в бытие Божественное. Такова и природа радости пасхальной. Тогда будет и ныне наша пасхальная радость победной и ослепительной, как во времена былые, как во времена первохристианские, когда исторгалась молитва: «Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Откр 22: 20) Но этого надо восхотеть, — всей силой, которую «Царствие Божие нудится, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф 11: 12).

Грешно и малодушно думать нам, что мы обделены или оставлены Богом. Он не знает лицепрятия. Но мы избраны и призваны к радости пасхальной не тем, что богаты и взысканы милостию Божией, но тем что бедны и умалены, жалки и несчастны. Сила нашей радости — не в благополучии, но в неблагополучии; она есть независимая по истине и свободная, как радость подвига, пасха на крови, рядом с Голгофой, выстраданная победа веры нашей. Пусть она, кратко сверкнув в нас, и скоро угаснет, но тем ярче и радостней будет явление Воскресшего.

Чем темнее ночь, в которой Христос воскресает, тем ярче Его сияние вечное.

Христос да воскресает!

1942 г.

6.3.6. С нами Бог¹

1943 г.

И сказал им ангел: я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям. Ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, который есть Христос Господь.

(Лк 2: 10–11)

Великая радость эта, всех радостей радость, есть пришествие в мир спешшего с небес Господа, — с нами Бог вочеловечивыйся! Ей подобною является лишь пришествие в мир «Другого Утешителя»², Христом посланного от Отца вместо Себя, в день